

Часть 2

ПЕНЗЕНСКАЯ ЕПАРХИЯ
ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

Глава 1

Церковь после Октября

Написание обстоятельной и научно выверенной книги о положении Пензенской Церкви в первые 20 лет после прихода к власти большевиков еще впереди. Трудно сейчас браться за тему, увязанную в контексте с событиями советской истории, оценка которых до сих пор еще не подвергнута переосмыслению, как и весь советский период в целом. Кроме того, многие документы стали известны автору в самое последнее время и не успели еще подвергнуться всестороннему анализу. То же самое можно сказать и об имеющихся воспоминаниях, которые для большей убедительности следовало бы подкрепить документально, поскольку в них существуют значительные расхождения с литературными источниками, что в общем-то и понятно, поскольку советский период всегда изображался в тонах и красках, заказываемых сверху.

В качестве иллюстрации к тому, насколько отличаются одни и те же события, написанные под разными углами зрения двумя историками – “профессором коммунистических наук” В. Ф. Морозовым и протоиереем М. А. Лебедевым, имеющим богословское академическое образование, предлагаются описания пензенских событий февраля 1918 года, случившихся вскоре после установления в Пензе Советской власти (21 декабря 1917 г. по старому стилю, или 3 января 1918 г. по новому).

Первый из них свидетельствует следующее: “Строительство советских и ликвидация буржуазных органов власти в Пензе и губернии проходили в ожесточенной борьбе с контрреволюцией, которая от пассивного сопротивления перешла к вооруженным выступлениям. Наиболее крупное контрреволюционное выс-

тупление произошло в Пензе 2 (15) февраля 1918 г. Оно было организовано духовенством, буржуазией, царскими офицерами при поддержке и помощи меньшевиков и правых эсеров. Контрреволюционеры использовали для своей антисоветской агитации декрет СНК от 23 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви. Попы и буржуазия подняли клеветническую кампанию, будто большевики “губят веру” (будто бы нет. – А. Д.), призывали обывателей “защищать веру” и свергнуть Советскую власть. 2 февраля духовенство организовало крестный ход по Московской улице и молебен около собора, находившегося напротив здания губернского Совета. После окончания молебна, на котором была провозглашена анафема большевикам, контрреволюционно настроенная толпа, состоявшая главным образом из офицеров, гимназистов старших классов, приказчиков, лавочников и монахов, несколько раз атаковала Совет, обстреливая его из винтовок и револьверов. Охрана Совета открыла ответный огонь, главным образом поверх голов толпы, и быстро ее рассеяла. С обеих сторон было убито 6 человек и несколько ранено”¹⁴⁷.

Теперь предоставим слово его оппоненту: “Отрицательное отношение к церкви со стороны новой власти обнаружилось тотчас после Октября. Уже в декабре месяце появились первые декреты, ограничивающие свободы и имущественные права церкви. 4/XII 1917 г. все сельскохозяйственные угодья, включая и церковные, перешли в руки государства. 11/XII 1917 г. все духовные школы, начальные, средние и высшие, были национализированы и, следовательно, закрыты. Вскоре был опубликован проект декрета об отделении церкви от государства, по которому все движимое и недвижимое имущество церкви становилось собственностью государства. Естественно, что все эти декреты с неудовольствием и враждебностью воспринимались большинством населения Пензы, еще духовно связанным с церковью. 2 февраля 1918 г., в праздник Сретения, по инициативе нескольких духовных лиц – священнослужителей, а также ряда мирян было решено организовать общенародное моление о Церкви. По плану к кафедральному собору должны были подойти крестные ходы из всех пензенских церквей для служения на площади общенародного молебна. Собралось множество народа с иконами, крестами, хоругвями. И вот вдруг раздались выстрелы небольшой кучки вооруженных. Я не слышал, чтобы последствием выстрелов были убитые или раненые. По-видимому, выстрелы были или в воздух, или холостые и предприняты были с исключительной целью напугать толпу, не допускать общенародного моления. Выс-

трелы достигли своей цели. В толпе началась паника. Где-то в большом возбуждении запели “Христос воскрес из мертвых”, толпа подхватила это пение и всей массой ринулась с площади вниз по Московской улице к Богоявленской церкви (теперь клуб Дзержинского). Говорят, и у этой церкви были выстрелы. Так произошло первое знакомство православно настроенных людей с представителями новой власти. Впоследствии некий пензенский историк (!) (кажется, Морозов), описывая это событие, угодливо исказил его. Он изобразил его так, что в Пензе якобы готовилось вооруженное чуть ли не восстание и что власти принуждены были предупредить его. Очевидная клевета. В Пензе началась борьба с религией. Она началась с ареста священнослужителей. Услугу властям начал оказывать уволенный и лишенный сана бывший епископ Владимир (Путята). По его доносу в декабре 1919 г. было арестовано 7 священников и два светских человека – преподаватели духовных школ за участие в проповедничестве”¹⁴⁸.

Кто прав в описании этих событий – их современник или же историк, ссылающийся на документ, хранящийся в архиве? Во всяком случае, сторонников Морозова можно будет убедить в противном, лишь опровергнув использованный им документ на документальной же основе. Ну а сторонникам М. А. Лебедева таких подтверждений совсем и не нужно: совершенно понятно, что большевикам для оправдания перед лицом масс (а может быть, и остатками своей совести) их будущих злодеяний ой как нужны были эти мифические контрреволюционные выступления.

Под анафемой большевикам, о которой говорилось у Морозова, следует понимать, по-видимому, зачитанное во всех церквях послание Патриарха Тихона, написанное им 19 января 1918 года, накануне издания декрета об отделении Церкви от государства. Оно явилось голосом Церкви, обращенной одновременно и к православному народу, и к представителям богоборческой власти; к первым – для укрепления их духа накануне грядущих испытаний, а ко вторым – с призывом опомниться и остановиться в своих беззакониях. Текст послания, отпечатанный в епархиальной типографии¹⁴⁹, гласил:

“Послание Святейшего Патриарха Тихона Московского и всея России.

Смиренный Тихон, Божию милостью Патриарх Московский и всея России. Возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и всем верным чадам Православной Церкви Российской.

Да избавит нас Господь от настоящего

века лукаваго (Гал. 1, 4).

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на Истину Христову явные и тайные враги сей Истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христова и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно доходят до нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем неповинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных только разве в том, что честно исполнили свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадною жестокостью, без всякого суда и с попранием всякого права и законности, – совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Все сие преисполняет сердце наше глубокою болезненною скорбью и вынуждает нас обратиться к таковым извергам рода человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. апостола: “Согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх имут” (1 Тим. 5, 20).

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.

Властью, данную нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: “Измите злаго от вас самих” (1 Кор. 5, 13).

Гонение жесточайше воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом

ем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою Креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: “Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее” (Мф. 16, 18).

*Тихон, Патриарх Московский и всея России.
Января 19-го дня 1918 г.”*¹⁵⁰

В своем послании Патриарх обратился ко всем православным встать грудью на защиту Церкви, призвал их возвысить свой голос до “всенародного вопля”, который заставил бы считаться “извергов рода человеческого” с выражением общенародного мнения. Но голосу Матери-Церкви вняла лишь малая толика православных, уготовав себе участь войти в сонн новомучеников российских, пострадавших за веру Христову. Зато “враги Церкви” остались последовательными в своей ненависти к заповедям Христовым о любви к ближним и к Церкви Христовой, как и полагается “безбожным властелинам тьмы века сего”, действующим по сатанинскому наущению.

Оставим пока в стороне взаимоотношения местной власти и Церкви и обратимся к внутреннему положению Пензенской церкви, состояние которой было подобно тому, какое испытывала и вся страна. Здесь также шла своя гражданская война, начатая лишением сана архиепископом Владимиром (Путятой).

В марте 1917 года, в связи с жалобой гражданки Толстой о совращении ее дочери архиепископом Владимиром, Святейший Синод поручил расследовать данный его поступок архиепископу Симбирскому и Сызранскому **Вениамину (Муратовскому)**¹⁵¹, поручив ему и временное управление Пензенской епархией до вынесения решения по этому вопросу на Всероссийском Поместном Церковном Соборе. В ноябре того же года, как уже говорилось, архиепископ Владимир был отрешен от управления епархией и ему было уготовано трехлетнее покаяние во Флорищевой пустыни, вместо чего он, отказавшись подчиниться такому решению, организовал свою “Пензенскую народную церковь”. В феврале 1918 года, в Пензу прибыл управляющий Пензенской епархией епископ Прилуцкий, викарий Полтавской епархии **Феодор (Лебедев)**, бывший в 1900-х годах смотрителем Краснослободского духовного училища¹⁵². “Ученый монах, каким казался выдавшим его в те дни, он, по-видимому, не имел в своем характере никаких данных для решительных действий... Надо полагать, что епископ Феодор вряд ли отдавал себе отчет, в какую эпоху он живет. Возможно, что по наивности он полагал, что одного его присутствия, как законного архиерея, уже достаточно для умиротворения страс-

тей”¹⁵³. Таким остался в памяти Н. П. Иванова архипастырь, приехавший усмирять непокорного Путятю.

Последний к тому времени заручился в Пензе поддержкой немалого числа своих сторонников, которых опять же очень хорошо определил автор цитируемых воспоминаний: “Это были люди переходного периода, потерявшие или просто не обретшие себе ничего взамен. Они еще ходили в праздничные дни в церковь, но не для того, чтобы помолиться, а лишь как в какой-то клуб, где можно встретить досужих приятелей, где можно было бесплатно послушать хороший хор, а иногда и способного проповедника, где можно было посидеть в ограде на лавочке и, раскуривая папиросу, посудачить и посплетничать с такими же досужими людьми о чем угодно, подвергнув критике все, что заблагорассудится. Объектом их критики обычно являлось духовенство, затем хор, затем политические события и прочее”¹⁵⁴. То есть это была как раз та самая “пена”, которая неизбежно возникает при всяких изменениях существующих общественно-политических отношений, когда вместо ожидаемых достижений вдруг начинают возникать нездоровые проявления – обычный побочный продукт неотлаженного процесса. Ее-то и смог отловить из верующей среды Путятя, пользуясь хитросплетением лжи, демагогии, критиканства и других подобных качеств, которые привлекают к себе потерявших нравственный стержень людей либо просто обманутых внешним эффектом своего лидера, наделенного этими качествами. Подобных примеров сейчас можно видеть сколько угодно в нашей политике. Ну и, конечно, среди почитателей Путяты было немало женщин, готовых на все ради своего кумира.

18 февраля (3 марта) 1918 года, в Неделю о блудном сыне, в Народном доме “владимировцы” организовали “народное собрание”, “избравшее” епархиальным архиереем архиепископа Владимира. Неправомочное решать такие вопросы, оно было специально устроено, чтобы, с одной стороны, продемонстрировать приехавшему в Пензу законному архиерею епископу Феодору “желание народа”, а с другой – запастись аргументами для местной власти в отстаивании своего права считаться управляющим Пензенской епархией. Прямо с собрания Владимир с “группой поддержки” направился в собор, где епископ Феодор совершал вечернюю службу. После ее окончания Путятю была разыграна сцена, призванная показать, кого на деле хотят себе во Владыки верующие. Это так впечатлило епископа Феодора, что, как пишет о том Н. П. Иванов, основываясь на слухах, “он в ту же ночь сел в вагон, который, кажется, был ему даже специально предоставлен, и в

этом вагоне ночью умер от разрыва сердца”. Правда, здесь же мемуарист сообщает и другую версию, свидетельствующую о том, что “он в ту ночь не уехал, а пробыл в Пензе еще одну неделю. Но когда он попытался придти в собор, то сторожившие тут владимировцы схватили его под руки, посадили в приготовленную заранее для этого тачку и с гиканьем выкатили его в тачке из собора по длинной паперти на площадь”.¹⁵⁵ Какой из этих двух версий нам отдать предпочтение? Думается, – второй. Свидетельством того является не только то, что второй случай действительно мог доставить гораздо больше переживаний архиерею, послуживших причиной его смерти. В нашем распоряжении имеется документ, датированный 8 марта 1918 года и подписанный членом епархиального управления протоиереем В. Масловским и секретарем Н. Беренским, где говорится, что “управление по делам Православной Церкви в Пензенской губ. возглавляет Преподобнейший Феодор, управляющий Пензенской епархией...”¹⁵⁶ То есть, как мы видим, на это время епископ Феодор был еще жив и скончался он, стало быть, вскоре после этого – вероятно, в ближайшее воскресенье – 10 марта 1918 года.

Тем самым Путята, постоянно переступавший заповеди Божии, оказался теперь причастным и к тяжкому греху – убийству, ибо, как говорит “Закон Божий”, “человек бывает виновен в убийстве и тогда, когда хотя сам лично не убивает, но способствует убийству”, – способствует “своим приказанием, советом, пособием, согласием” и т. п. А по крайней мере, молчаливое согласие и даже одобрение разным гнусным выходкам “владимировцев” со стороны Путяты всегда было, да что там говорить, – многие их поступки творились с прямого благословения и под личным руководством Владимира. Потому-то при исповеди священник и остерегает нас от необдуманных слов и поступков, которые невольно могут стать причиной смерти другого человека, – поскольку они, по сути, уже есть начальный этап совершения неумышленного убийства.

После смерти епископа Феодора его законным преемником стал 75-летний епископ Краснослободский **Григорий (Соколов)**¹⁵⁷, викарий Пензенской епархии, который проживал в Спасо-Преображенском монастыре. Однако он тем более не мог оказать архиепископу Владимиру никакого сопротивления, поскольку совсем недавно находился в его непосредственном подчинении. К тому же он был для этого слишком стар, да и проживал за городом.

К этому времени Путята полностью контролировал в Пензе Богоявленский храм (Новый Спаситель) и Старый Спаситель (Воскресенскую церковь). Теперь

ему никто не мешал занять и кафедральный собор, что он и сделал вскоре же после смерти епископа Феодора. Занял и снова почувствовал себя в нем полноправным хозяином. Однако нужно было, чтобы его таковым признали и пензенские власти. Для этого решено было прежде всего “заручиться поддержкой” верующего населения – организационно оформить сложившуюся вокруг Владимира группировку, с тем, чтобы уже от ее лица апеллировать в случае нужды к власти, да и вообще к населению. С этой целью был образован так называемый “Христианский союз”. В то время, как тихоновская Церковь в Пензе фактически осталась без своего руководителя и управление по делам Православной Церкви, располагавшееся в одном из зданий Пензенского духовного училища, оказалось из него выселено по настоянию комиссариата по отделению Церкви от государства и было озабочено собственной судьбой, “Христианский союз” начал свою атаку с целью заполучить дела и печать епархиального управления.

10 апреля 1918 года в комиссариат поступило заявление “Христианского союза” следующего содержания: “Архиепископ Владимир, председатель “Христианского союза”, был признан пензенским архипастырем на первом чрезвычайном епархиальном съезде в апреле месяце (1917 го-да, то есть он был срочно созван, когда в Синоде рассматривался вопрос о совращении Путятой девицы Толстой. – А. Д.) и ему было поручено ходатайствовать о проведении в жизнь выработанных на съезде меро-приятий и реформ. На втором съезде в августе месяце архиепископ Владимир снова был признан пензенским архипастырем. На собрании рабочих организаций Сызрано-Вяземской железной дороги, на трубочном заводе, на Рязано-Уральской железной дороге на общих собраниях вынесены резолюции народа с желанием иметь своим архипастырем архиепископа Владимира и ни в коем случае не допускать назначенного центральной властью вопреки желанию народа епископа Феодора. Ввиду этого “Христианский союз” просит Вас как комиссара передать все дела, касающиеся управления Пензенской епархии комитету “Христианского союза” под председательством архиепископа Владимира, о чем была вынесена резолюция на общем собрании Пензенского христианского союза”¹⁵⁸. За председателя заявление подписал священник бывшей тюремной церкви Аристов, переметнувшийся к Путяте.

Спешка, с которой союз провел означенные собрания на “передовых” пензенских предприятиях, в заведомо неверующей среде, более чем понятна: после смерти епископа Феодора при весьма сомнительных обстоятельствах и захвата

собора Владимиром организатору раскольнического формирования – “Народной церкви”, провозглашенной Путятой еще в ноябре-декабре 1917 года, следовало ждать неприятных санкций по отношению к себе. Конечно, нарушителя канонических правил давно надо было бы извергнуть из сана, тогда, может быть, и вообще не возникло “Путятинской смуты”. Но как раз в это время в связи с рождественскими праздниками Поместный Собор, уполномоченный решать этот вопрос, сделал перерыв в своих заседаниях, и вторая его сессия открылась 20 января 1918 года. Естественно, что на ней прежде всего решались более насущные вопросы, чем рассмотрение персонального дела одного из архиереев, хотя бы оно и было весьма необычным. В начале апреля архиепископу Владимиру были направлены две телеграммы с вызовом его на суд епископов, однако он сказался больным и на суд не поехал. 20 апреля на последнем заседании Собора архиепископа Владимира наконец-то лишили сана “за неподчинение и презрение канонических правил”, то есть за его “церковную смуту”, ставшую прецедентом для последующих “смут” в Русской Православной Церкви.

30 апреля в Пензу приехал новый пензенский архиерей – епископ **Иоанн (Поммер)**. “Ему было 43 года. Латыш по национальности, громадного роста, темный шатен, почти брюнет, этот человек обладал какой-то особой привлекательностью. Он был красив и даже как-то обаятелен. К тому же обладал таким тактом в обращении с людьми, таким умением сказать что-либо приятное, что через несколько дней все духовенство и все верующие города Пензы были от него в восторге. К тому же в нем чувствовалась непреклонная воля и большой дипломатический талант. Вообще личность эта была далеко не заурядная. Ясно было, что этот человек не сбежит от испуга и, во всяком случае, не сдаст своих позиций без боя”¹⁵⁹.

Биография епископа Иоанна до Пензы складывалась следующим образом: Иван Андреевич Поммер родился 6 января 1876 года в Лифляндской губернии, в 1897 году окончил Рижскую духовную семинарию и через два года стал псаломщиком в соборе г. Либавы Курляндской губернии, в 1900 году поступил в Киевскую духовную академию, где в 1903 году (по совету преподобного Иоанна Кронштадтского) принял монашество, а в следующем году, перед окончанием академии, был рукоположен во иеромонаха. Дальнейший путь молодого кандидата богословия оказался стремительным: проработав всего два года преподавателем в Черниговской духовной семинарии, он в 1906 году был назначен инспектором Воло-

Епископ Иоанн (Поммер)

годской духовной семинарии, а уже в следующем – ректором Литовской духовной семинарии в сане архимандрита и, кроме того, настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря. 11 марта 1912 года в С.-Петербурге в Троицком соборе Александро-Невской Лавры он был хиротонисан во епископа Слуцкого, викария Минской епархии; 4 апреля 1913 года определен епископом Таганрогским (с 5 октября 1916 года – епископ Приазовский и Таганрогский), викарием Екатеринославской епархии, 7 сентября 1917 года – епископом Старицким, викарием Тверской епархии, а 22 апреля 1918 года назначен на Пензенскую кафедру.¹⁶⁰

Первоначально он поселился в мужском монастыре, где в Четверг Светлой седмицы на него было сделано покушение сторонниками Пу-тяты, а затем перенесся к Покровской церкви – самой надежной среди пензенских церквей. В сентябре 1918 года, после того как “владимировцы” сделали попытку захватить Петропавловскую церковь во время совершения там службы епископом Иоанном и произошло столкновение между верующими, принадлежащими к разным партиям, местные гражданские власти арестовали обоих архиереев и около месяца продержали их в одной камере. Обо всем этом хорошо известно из воспоминаний Н. П. Иванова, который, однако, ничего существенного в церковной жизни г. Пензы на протяжении следующего 1919 года не отмечает. Поэтому любые документы, характеризующие время пребывания на Пензенской кафедре епископа Иоанна, оказавшего достойное сопротивление Пу-тяте и предотвратившего дальнейший незаконный захват последней церковью, несомненно представляют большой интерес. К сожалению, пока это только разрозненные сведения, не дающие целостной картины жизни Православной Церкви в Пензенской епархии в первые послереволюционные годы.

6 апреля 1918 года – Дертевский волостной Совет крестьянских депутатов запрашивает Пензенский уездный Совет крестьянских депутатов: “Местный священник о. Покровский за литургией поминает о здравии митрополита Московского и Петроградского Тихона и архиепископа Пензенского и Краснослободского Григория. По сведениям в Совете, эти пастыри будто бы арестованы за то, что шли против Советской власти и народа, а также произносили анафему по их адресу. Почему волостной Совет просит уездный разъяснить сему Совету, имеет ли право священник Покровский помянуть о здравии этих лиц за литургией. Если нет, то Совет сделает ему сейчас же по получении извещения запрещение”¹⁶¹.

На этот запрос комиссариат по отделению Церкви от государства Пензенско-

го губернского Совета рабочих, солдатских депутатов отвечал: "...что после отделения Церкви от государства Советская власть не вправе вмешиваться во внутренние дела Церкви, к каковым и относится затрагиваемый Дертевским волостным Советом Пензенского уезда вопрос о поминовении иерархических лиц за богослужением. Тем не менее комиссариат считает долгом дать фактическую справку о том, что митрополита Московского и Петроградского Тихона нет, а есть Патриарх Московский Тихон, который, равно как и епископ Пензенский и Краснослободский Григорий, не арестованы.

Что касается отношения к Советской власти, то церковная власть, насколько известно комиссариату по известному посланию Патриарха Тихона, относится отрицательно.

Приходские церковные советы имеют право самостоятельно на основе выборного начала определить соответствие или несоответствие своего священника с занимаемым им местом" ¹⁶².

Как мы видим, губернская власть дает здесь совет, как "на законном" основании избавиться от неугодного священника.

8 июня 1918 года – "Комиссариат по отделению Церкви от государства просит военно-революционный трибунал привлечь к ответственности гр-на Д. Русанова, именующего себя председателем приходского совета при Покровской церкви г. Пензы за сопротивление распоряжению комиссариата относительно сдачи метрических книг названной церкви и вмешательство не в свое дело Д. Русанова, т. к. приходской совет никакого отношения к метрическим книгам, ведомым церквами, не имеет". "Согласно распоряжению Президиума Пензенского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов комиссаром по отделению Церкви от государства Д. Русанов был арестован и препровожден в губернскую тюрьму" ¹⁶³. (Справка: "при комиссариате по отделению Церкви от государства в здании бывшего Пензенского окружного суда с 11 мая 1918 года (н. ст.) открыт отдел записей браков, рождений и смертей по г. Пензе" ¹⁶⁴). Здесь уже налицо наказание "за злостное преступление" – отказ отдать метрические книги, которые до того испокон веку хранились в церкви.

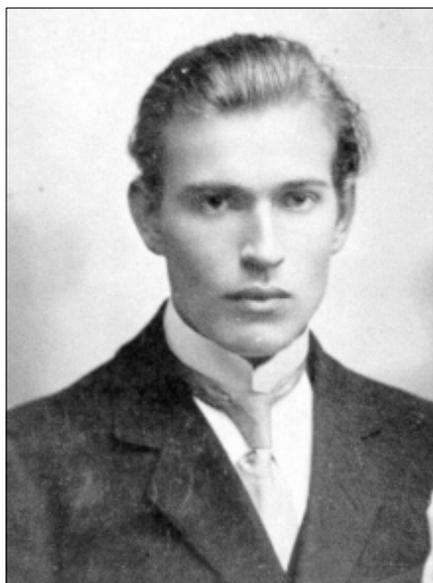
12 июня 1918 года – "Препровождая при сем отношение, посланное сего 12 июня епископу Иоанну, комиссариат по отделению Церкви от государства просит коллегия [по борьбе с контрреволюцией] принять надлежащие меры к недопущению анафемствования (13 июня) в церквах г. Пензы. Комиссар". Отношение: "В

комиссариате по отделению Церкви от государства имеются сведения, что завтра, 13 сего июня, при торжественном Вашем служении в одной из церквей г. Пензы будет произведено анафемствование епископа Владимира, возможно, и его последователей; такое анафемствование предполагают совершить причты и в других православных церквях г. Пензы. В связи с этим анафемствованием циркулируют упорные слухи, имеющие основание, что подобные анафемствования могут вызвать внутренние распри между гражданами г. Пензы, могущих кончиться кровопролитием. Во избежание могущих произойти эксцессов комиссариат требует, чтобы как Вы, так и причты православных церквей г. Пензы не производили по церквам анафемствования, в противном случае, в особенности, если произойдут какие-либо эксцессы в г. Пензе на почве анафемствования, советская власть к Вам и к другим виновникам их применит самые строгие меры, предуказываемые военным положением г. Пензы. Об этом распоряжении комиссариат просит поставить в известность церкви г. Пензы”¹⁶⁵. Ну а это что, как не вмешательство во внутренние дела Церкви, пусть и вызванные, может быть, заботой о спокойствии в городе? Анафемствование – необходимая мера, извергающая из Церкви еретиков, тем более срочно необходимая, когда касается бывшего иерарха, увлекающего за собой стадо Христово. Провозглашение анафемы бывшему архиепископу Владимиру должно было поставить перед выбором и его последователей – остаться ли им дальше православными или же уже сознательно становиться на сектантский путь. Запретив епископу Иоанну анафемствование, местная власть тем самым встала на сторону лжеархиерея Владимира.

По-видимому, епископ Иоанн высказал возмущение такому решению комиссара (а может быть, и отказался ему подчиниться), в результате чего против него незамедлительно последовали дополнительные санкции, – вроде бы и законные по существу, но слишком уж связанные по времени с предыдущими событиями. Уже на следующий день после намечаемого анафемствования из комиссариата по отделению Церкви от государства на имя комиссара почты и телеграфа г. Пензы было направлено письмо следующего содержания: “...прошу сделать распоряжение, чтобы всякие переписки, адресованные епископу Иоанну от каких бы то ни было учреждений и каких бы то ни было официальных лиц, равно бывшему епархиальному совету и консистории, как не желающих зарегистрироваться в коллегии внутренних дел и комиссариате по отделению Церкви от государства, пересылались в комиссариат по отделению Церкви от государства”¹⁶⁶. Только что перед

Протоиерей Матвей Сергеевич Архангельский

Николай Пульхритудов

Михаил Пульхритудов

(первые иподиаконы епископа Иоанна)

этим комиссар обращался к епископу как к законному представителю Пензенской Церкви, а уже два дня спустя, по сути, посчитал их не существующими.

Начавшаяся конфронтация между государством и Церковью в Пензе продолжала набирать обороты. Пензенский Совет предложил епископу Иоанну в трехдневный срок покинуть епархию, а пензенский комиссар по отделению Церкви от государства 27 июня 1918 года арестовал целую группу церковных лиц: протоиереев Владимира Ивановича Лентовского, Матвея Сергеевича Архангельского, Александра Максимовича Пульхритудова, Петра Константиновича Медведева, Константина Петровича Ручимского, иеромонаха Иерофея (Ушакова), протоиеромонаха Василия Васильевича Смирнова и секретаря консистории Николая Константиновича Беренского, которые пробыли в тюрьме по крайней мере месяц. Причем бывший ректор семинарии протоиерей М. С. Архангельский страдал от кровотечения язвы двенадцатиперстной кишки. Им инкриминировалось: “1) неподчинение распоряжениям советской власти – комиссариату по отделению Церкви от государства (уклонение от дачи объяснений в израсходовании указанных в отношении сумм); 2) подстрекательство служащих бывшей Пензенской духовной консистории к саботажу [?!] (выдачей им содержания на полгода вперед); 3) произвольное, преступное распоряжение народными деньгами, соединенное с умышленным, небрежным ведением приходо-расходных книг бывшей Пензенской духовной консистории. Преимущественную, особую виновность по сему делу комиссариат поддерживает против секретаря бывшей Пензенской духовной консистории, гражданина Николая Беренского, на обязанности которого, как представителя государственной власти в означенном учреждении, было наблюдать за законмерностью всех действий и распоряжений консистории”. В объяснении Беренского, которое он давал, возражая против предъявленных епархиальному начальству обвинений “в том, что оно, будто бы зная о предстоящем закрытии консистории”, выдало ее служащим вперед жалованье, резонно звучит следующее: “Декрет об отделении Церкви от государства устанавливал известную сферу необходимого и самостоятельного действия церковной власти, а следовательно и консистории как органа таковой. Поэтому для епархиального управления было невероятным заявление 21 февраля [1918 года] комиссара об упразднении консистории и прекращении ее деятельности”.¹⁶⁷

Не приложил ли руку к этому аресту Путята? Об этом косвенно может свидетельствовать один документ: “В следственную комиссию военно-революционного

трибунала. Пензенский губернский отдел по отделению Церкви от государства препровождает при сем отношении “Христианского союза” от 5 сентября с. г. за № 97 с указанием на противозаконные деяния нелегального учреждения, именуемого себя Пензенским епархиальным управлением, с тремя приложениями для присоединения к делу по обвинению трибуналом лиц названного епархиального управления”¹⁶⁸. Отношение датировано, как мы видим, более поздним числом, чем был произведен арест священнослужителей, но слишком уж “Христианский союз” был заинтересован в удалении от дел разместившегося при Покровской церкви епархиального управления, чтобы совсем отменить его причастность к аресту. Это могло быть сделано и на словесном уровне ранее, поскольку слишком заметно, что комиссар по отделению Церкви от государства Михаил Венедиктович Кузнецов явно склонялся в своих симпатиях к “Христианскому союзу”: он зарегистрировал устав епархиального совета этого союза, расположившийся в доме № 20 по ул. - Московской, но отказался даже рассматривать устав законного епархиального управления.¹⁶⁹

Не удивительно, что первые аресты священнослужителей начались сразу же после прихода к власти большевиков. Сам факт отделения Церкви от государства уже свидетельствовал, что отныне они чужие, а поскольку и не скрывали своего отношения друг к другу, то их мирное сосуществование должно было продолжаться лишь до поры до времени — пока на то хватит терпения у власть имущего. А терпение ему отказывало при всяких случаях сопротивления его решениям. Например, священника с. Чернозерья Мокшанского уезда Ивана Александровича Мироносицкого арестовали в 1918 году “за агитацию против советской власти”, которую квалифицировали таким образом: “1) не признает жидовский декрет об отделении Церкви от государства, подразумевая под жидами народных комиссаров, и будет продолжать учить Закону Божьему; 2) говорил, что большевики хотят ограбить церкви, отобрать кресты, сосуды, а наконец, и запрут церкви (что и произошло. – А. Д.); 3) вел агитацию за разоружение отряда, сформировавшегося в селе для защиты Пензы от чехословаков; говорил, что они идут не защищать, а грабить”¹⁷⁰. Как сказано в документе, на который сделана эта ссылка, священник И. А. Мироносицкий “был убит в Пензенской губернской тюрьме во время погрома 23 сентября 1918 года”. Так называемое “вооруженное выступление уголовных и политических заключенных” в губернской тюрьме – весьма темная страница в советской истории нашего края, которая должна быть тщательно изучена, поскольку

ку убийство при этом товарища (то есть заместителя) председателя ЧК И. Е. Егорова, по сути, стало поводом к красному террору, провозглашенному постановлением губкома РКП(б) от 31 августа 1918 года в ответ на убийство Урицкого и покушение на Ленина. Для Егорова такой конец можно расценить как возмездие за подавление им в августе 1918 года в Кучках Пензенского уезда вооруженного выступления крестьян против продотряда, высланного на реквизицию у них хлеба, в результате чего 13 активных участников этого восстания, в том числе и местный священник, были расстреляны. На кучкинские события, как известно, Ленин откликнулся телеграммой с указанием провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев.

Подоплека всего случившегося в тюрьме видится следующим образом. После объявления красного террора в Пензе были проведены массовые аресты бывших офицеров, якобы собиравшихся на дачах в Ахунах под видом гулянок, а на деле готовивших контрреволюционное выступление (вполне вероятно, вымышленное самими большевиками). Было арестовано сразу несколько десятков человек, что было очень просто сделать, поскольку до того всех офицеров обязали зарегистрироваться у советской власти, и препроводили их всех в тюрьму. 22 или 23 сентября 1918 года (разночтение в самих советских газетах) среди бела дня в тюрьме будто бы случился вооруженный бунт, во время которого и погиб чекист Егоров. Правда, всё это очень и очень сомнительно: вместо того, чтобы сразу разбежаться, поскольку за тюремной стеной находились Скобелевские казармы, откуда могла сразу же подоспеть вооруженная подмога, стали караулить, когда Егоров выйдет из тюрьмы и отправится в город. Тут-то его и убили. Из тюрьмы, как пишут, успело убежать 40 человек, которых, естественно, всех поймали. 25 сентября газета “Молот” сообщила, что “во время подавления бунта и по постановлению ЧК по борьбе с контрреволюцией убито и расстреляно 152 человека, как политических, так и уголовных”. Список казненных политических (88 человек) – в основном тех самых бывших офицеров – был опубликован в местной газете “Известия” за 2 октября, список убитых уголовников (68 человек) – в газете за 11 октября. То есть всего 156 человек (не включили ли нескольких лишних, в том числе и священника Мироносицкого, который значится в списке третьим с конца, к ним за компанию?). Что это, как не красный террор, когда за убийство одного чекиста и одного тюремного надзирателя расстреляли столько политических заложников? Урицкий с Лениным тут уже не причем: за них были расстреляны шесть человек ранее (см.

газету “Молот” за 7 сентября). На загадочную смерть восемнадцатилетней чекистки Паши Путиловой, случившейся 4 сентября якобы при раскрытии контрреволюционной организации в Знаменском женском монастыре под Рузаевкой, когда окруженным вместе с ней несколькими спутникам как-то удалось уйти, а вот ее прямо-таки растерзали монахини, и то откликнулись не в Пензе, а в Тамбове, расстреляв 20 заложников. Конечно, Егоров рангом повыше, но чтобы сразу столько?! Не слишком ли дорогая цена даже для удовлетворения волчьих амбиций большевиков? Впрочем, это уже материал для другой книги, были бы только желающие написать ее. Мы же вернемся к нашей теме.

Епископ Иоанн в целях нейтрализации Путяты ставит священниками городских церквей преданных ему людей: в Боголюбскую церковь – Николая Михайловича Пульхритудова, в Введенскую – протоиерея Андрея Павловича Кипарисова, в Рождественскую – протоиерея Владимира Ивановича Лентовского. В Петропавловской были тоже свои – протоиерей Матвей Сергеевич Архангельский, священник Григорий Николаевич Феликсов, в Покровской – тем более свои: протоиерей Михаил Александрович Венценосцев, священник Николай Андреевич Касаткин, протодиакон Василий Васильевич Смирнов. Однако Путята оказался хитрее: одним разом, как пишет в своих воспоминаниях протоиерей М. А. Лебедев, отправил их за решетку, написав донос. Только не семерых священников и двух светских, а четырнадцать человек: кроме уже упомянутых – священника Богоявленской церкви Константина Петровича Уранова и членов Пензенского братства православных христиан. Среди последних были: его председатель Василий Андреевич Нелюбин, бывший частный поверенный, а с 1917 года заведующий канцелярией Пензенского отдела продпути; секретарь совета братства Софья Николаевна Арапова; Клавдий Сергеевич Де-Бове, заведующий Центральным потребительским обществом; Федор Петрович Голышев, агент Московской закупочной сельхозкооперации и Вонифатий Васильевич Яковлев, заведующий культурной секцией губсовхоза. Все они были арестованы в один день – 16 декабря 1919 года, а осуждены “как участники контрреволюционной организации Пензенское братство православных христиан” только 26 мая 1920 года. Их приговорили к заключению в лагерь принудительных работ (другими словами – в концлагерь) “за контрреволюционную деятельность, направленную на дискредитацию и подрыв советской власти”. Нелюбину, Араповой, Де-Бове, священнику Пульхритудову и протоиерею Венценосцеву дали по два года с учетом срока пред-

варительного заключения, священнику Касаткину и протоиерею Кипарисову – по году, Гольшева и Яковлева, а также священнослужителей Феликсова, Уранова и Смирнова осудили на полгода. Протоиерея Архангельского, учитывая его болезнь, из-под стражи освободили (наверняка после случившегося в тюрьме обострения язвы) с условием отмечаться два раза в неделю в определенном ему месте. А протоиерея Лентовского вначале хотели выселить из пределов Пензенской губернии, но затем, также в связи с болезнью, оставили под надзором в Пензе.¹⁷¹

Первые страдальцы за веру Христову отделались довольно легко. Советская власть еще не вошла во вкус: аппетит, как говорится, приходит во время еды. Впоследствии за подобные “преступления” следовало неизмеримо большее наказание, включая смертную казнь. Это можно увидеть на примере хотя бы Николая Андреевича Касаткина. После отбытия первого срока он служил священником Всехсвятской церкви г. Пензы. Второй раз был арестован в 1931 году, просидел до решения суда десять месяцев и был освобожден из-под стражи с зачетом срока предварительного заключения. Недолго прослужил священником церкви в Конной Слободе г. Пензы и в декабре 1933 года вновь был арестован по обвинению в антисоветской агитации, которую при вынесении приговора расширили до “участия в церковно-монархической организации, в сборе вспомоществования ссыльным и репрессированным священникам, проведении антисоветской, антиколхозной пораженческой агитации”, и приговорен на этот раз к 5 годам заключения в концлагерь. Однако пробыл там лишь месяц и в связи с тяжелым состоянием здоровья был из-под стражи освобожден. Печально знаменитый 37-й год уже не разбирал ни больных, ни здоровых: в числе более ста человек – священноцерковнослужителей и прихожан г. Пензы, квалифицированных не как верующие, а как “члены контрреволюционной церковно-монархической организации”, – он был арестован и в марте 1938 года расстрелян в г. Пензе в числе таких же как и он истинно-православных граждан уже давно, увы, не православной России, которой она так и не хочет становиться до сих пор.¹⁷²

Знала ли губернская власть о незаконности притязаний на архиерейское место лишенного сана Путяты? Да, конечно. Об этом свидетельствует “Заключение юрисконсульта при отделе управления Пензенского губисполкома по вопросу об отношении местной советской власти к создавшемуся в городе Пензе двоевластию в управлении Православной церковью”¹⁷³, написанное на 19 страницах в мае 1920 года в связи с тем, что “для православного населения города Пензы условия

церковной жизни постепенно приняли такую неправильную форму и вся обстановка церковного устройства с течением времени сложилась настолько ненормально, что в настоящее время местная советская власть уже не может более оставаться безучастной зрительницей наблюдаемых в Пензе нестроений в церковной области, ибо сама жизнь выдвинула и поставила на обсуждение вопрос: не имеется ли в данном случае налицо таких условий, которые дают право, а быть может даже и обязывают местную советскую власть к вмешательству в дела Пензенской православной церкви”. Хотелось бы, опуская вводную часть, повторить и конечные выводы, познакомить читателей с этим заключением.

“Если взять любую из епархий на пространстве всей обширной Российской республики, то безошибочно можно утверждать, что во главе каждой из них стоит единый правящий архиерей с присвоенным ему официальным титулом. Между тем в Пензенской епархии, и только в ней одной, существуют как бы два правящих архиерея: архиепископ Пензенский и Саранский Иоанн и архиепископ Пензенский и Саранский Владимир... Какой же вывод надлежит сделать из этого общеизвестного факта, представляющего собою глубоко ненормальное явление. Вывод ясен: только один из упомянутых двух архиереев может быть истинным архипастырем, по праву занимающим принадлежащую ему Пензенскую кафедру, другой же является узурпатором, захватчиком не принадлежащей ему духовной власти и самозванцем, так как самовольно присвоил себе официальный титул архиепископа Пензенского и Саранского, не будучи уполномочен на то законной духовной властью. Для всего населения Пензенской губернии достаточно известно, что таким узурпатором и самозванцем является бывший архиепископ Пензенский Владимир Путята, а единственным законным архипастырем для Пензенской епархии состоит архиепископ Иоанн, ставленник высшей духовной власти... Что же касается до отношения советской власти к упомянутому церковному постановлению относительно бывшего архиепископа Владимира, то постановление это и с точки зрения советской власти нисколько не теряет характера обязательности, ибо, объявив церковную область делом частным, современное законодательство все-таки признает эту церковную область законно существующей и самоуправляющейся и, следовательно, со всеми законными постановлениями этой церковной власти, не затрагивающими интересов государства, при случае должно считаться и не может оспаривать их закономерности... Прямой выход из создавшегося в Пензе нелепого положения с двоевластием в управлении Православной церковью мо-

жет быть только одно: вся полнота духовной власти должна быть сосредоточена в руках одного законного архиерея.

Спрашивается, какие же цели преследует гражданин Всеволод Путята, хотя и порвавший открыто с Православной церковью, но упорно не желающий расстаться со своим прежним духовным саном епископа, а также каково его отношение к советской власти?

Для правильного разъяснения этого вопроса особую ценность должны бы представлять собою подлинные слова самого Всеволода Путяты, сказанные им в публично обнародованном “Воззвании к духовенству и православному народу Пензенской поместной церкви”, подписанном “Смиренный Владимир, Божию милостью и избранием народа архиепископ Пензенский и Саранский”.

...В первой половине воззвания, обильно снабженной текстами из Евангелия, содержится указание на совершившееся в Пензе искусственное во вред Церкви и народу разделение паствы на два враждующих стана. В конце же воззвания проводится та мысль, что в своем стремлении идти путем, еще с древних времен указанным Евангелием, народ встретил полную поддержку со стороны народной власти, которая дала и даст народу-хозяину все средства к соединению всех в одну неразрывную православную семью, живущую по образцу первобытной апостольской христианской общины (коммуны) и способствующую проведению в жизнь начал нового государственного строя...

Итак, вот цель, преследуемая автором воззвания, – добиться активной поддержки власти для упрочения своего бесправного положения, но никакой программной деятельности воззвание в себе не заключает.

Однако в делах отдела управления имеется печатный документ, озаглавленный “Программа деятельности”, из которой можно видеть, как рисуется создателям “Свободной Народной Церкви” их будущая деятельность. Правда, документ этот представляет собой, надо думать, лишь копию, верность которой с подлинником никем не заверена, но содержание этого документа не оставляет никакого сомнения в том, что он исходит или от самого гр-на Путяты или от духовных кругов, одинаково с ним мыслящих.

В этой программе деятельности, поставленной себе “Свободной Народной Церковью”, важно отметить то обстоятельство, что, выставив несколько отдельных положений своей будущей деятельности, “свободная церковь” старается подогнать каждое из них для оправдания того или иного мероприятия государствен-

ной власти с церковной точки зрения и в будущем обещает оказывать этой власти такое же свое содействие, облегчающее проведение в жизнь важнейших современных узаконений гражданской власти.

Не вдаваясь в подробный разбор программы “Свободной Народной Церкви” по существу, можно сослаться в этом отношении на авторитетный доклад т. Карасева под названием “Религия и Коммунизм”, сделанный им на Пензенском губернском съезде работниц и крестьянок в заседании 18 марта 1920 года, опубликованный в № 63 местной газеты “Красное знамя” от 21 того же марта, где говорится: “В заключительном слове т. Карасев, между прочим, остановился на новой “Свободной Народной Церкви”, инсценируемой местным архиепископом Владимиром. По мнению докладчика, никакой новой церкви создано быть не может. Церковь Владимира – та же старая церковь под демократической вывеской. Просто-напросто поругались два епископа из-за власти: кому управлять Пензенской епархией. Владимир отделился от Иоанна, и пошла грызня. Оба они ходят в Совет, фискалят друг на друга. Это доказывает, насколько пастыри духовные далеки от Церкви, готовые перегрызть друг другу глот-ку из-за власти”.

Итак, по мнению докладчика Карасева, никакой новой церкви не существует в действительности, “Свободная Народная Церковь” только инсценируется так называемым архиепископом Владимиром, но представляет собою ту же старую церковь под демократической вывеской.

Действительно, никакого обновления в “Свободной Народной Церкви” не замечается, и до сих пор нет никаких указаний на то, чтобы была достигнута или хотя бы только сделана была попытка к достижению основной задачи, поставленной себе свободной Церковью – восстановления евангельского учения во всей его первобытной чистоте. Взамен того гр-н Всеволод Путята, продолжая по-прежнему именовать себя епископом, открыто совершает богослужение, священнодействует и даже рукополагает, т. е. совершает все те действия, на совершение которых имеет законные полномочия только православный епископ.

Несомненно, что порвавший с православием и отлученный от Церкви гр-н Всеволод Путята священнодействовать ни в одном православном храме не имеет никакого права, и все вообще деяния его как епископа с момента лишения его духовного сана и отлучения от Церкви с точки зрения закона должны считаться совершенно ничтожными, не имеющими никакой силы и значения. Между тем гр-н Путята, пользуясь тем, что органы государственной власти не чинят ему препятствий в

его незаконной деятельности, так как не вмешиваются в область Церкви, объявленную делом частным, постепенно перестал довольствоваться одним пассивным сопротивлением, которое раньше он оказывал высшей православной церковной власти и от политики обороны перешел к практической активной деятельности на месте.

Именно, в письменном отношении от 14 декабря 1919 года за № 204, адресованном в отдел управления, на официальном бланке пензенского епархиального архиерея и за подписью “архиепископ Пензенский Владимир Путята” последний от своего имени и от имени епархиального совета просит без его ведома и разрешения не допускать никаких собраний черносотенного духовенства в подведомственных ему церквях и церковных помещениях как в городе Пензе, так и в губернии. Между прочим, Пензенское епархиальное управление по настоянию народа просит безотлагательно принять соответствующие и решительные меры к недопущению лекций, назначенных Братством православных христиан 14 и 17 декабря в женском монастыре (последствием этой апелляции-доноса, как мы знаем, стал арест 14 человек. – *А. Д.*). Далее, в многочисленных отношениях совета Пензенского епархиального управления, адресованных в отдел управления, в Пензенскую губчека, в Пензенский губернский исполнительный комитет от 5 января 1920 года за № 3 и 4, от 23 января за № 32, от 4 февраля за № 50 и от 9 февраля за № 6, к местной советской власти предъявляется целый ряд категорических требований, сущность которых сводится к тому, что “множественности духовных властей” не должно быть, нужен лишь один руководитель церковной жизни...

Далее, в отношении епархиального совета от 9 февраля 1920 года за № 6 необходимость и безотлагательность со стороны местной советской власти признания архиепископа Владимира пензенским епархиальным архиереем и состоящего при нем народного епархиального совета единственным правомочным церковным органом для всей Пензенской губернии, между прочим, мотивируется тем, что по случаю “недели фронта и транспорта” архиепископом Владимиром назначен соответствующий сбор во всех церквях епархии и успешность этого сбора находится в прямой зависимости от того, будет ли духовенство считать такое распоряжение для себя обязательным.

Таким образом, гр-н Путята прилагает все старания к тому, чтобы так или иначе заставить органы местной власти не только сойти с той нейтральной позиции, которую власть обязана занимать в силу декрета, но и оказать ему активную,

реальную помощь. В этих видах гр-н Путята усиленно предлагает сделать Церковь одним из орудий государственной власти (оправдание государственных мероприятий с церковной точки зрения и обещание своего содействия на будущее время, распоряжение о денежном сборе по церквам в “неделю фронта” и т. д.).

Между тем сама государственная власть в услугах Церкви совершенно не нуждается: самый факт издания декрета об отделении Церкви от государства ясно указывает, что государственная власть, низводя Церковь из учреждений государственных в учреждение частного характера, сознательно исключает Церковь из числа своих подсобных орудий и ни в каких случаях не желает прибегать к ее помощи. И это вполне понятно, т. к. из обозрения вышедшей за последнее время литературы, посвященной выяснению вопроса о взгляде современной государственной власти на Церковь и разъясняющей мотивы издания декрета об отделении Церкви от государства, можно видеть, что отправление религиозных потребностей советская власть считает простым пережитком времени и мирится с этим лишь в виде уступки православному населению, которое в массе своей до сих пор настроено достаточно религиозно. Поэтому власть и не предпринимает коренной ломки в церковной области во избежание резких потрясений в народной жизни, с течением же времени по мере распространения в народе образования население станет более сознательным, и тогда сама собой исчезнет у него потребность культа...

Итак, в г. Пензе есть законный архиепископ Иоанн, которому вверено управление всеми церквами епархии, и одновременно живет гр-н Путята, самовольно и преступно именующий себя тоже архиепископом Пензенским, несмотря на то, что он уже отлучен от Церкви, т. е. не состоит даже православным.

...Что же касается до всех его обращений к советской власти лично или письменно в качестве епископа Пензенского, а равно письменных сношений его с той же властью через состоящий при нем церковный совет, то поддерживать с ним, Путятою, какие бы то ни было отношения как с епископом советская власть, по видимому, не имеет законного права... Но не одно только поддержание каких бы то ни было сношений с гражданином Путятой как епископом было бы противозаконным вмешательством гражданских властей в дела Церкви, таковым же вмешательством необходимо признать и то обстоятельство, что местная советская власть знает о лишении бывшего архиепископа Владимира в законном порядке сана с отлучением его от Православной церкви и все-таки остается безучастной зри-

тельницей происходящего на ее глазах явного беззакония, когда простой гражданин Путята, лицо частное и даже не православное, исполняет по мере сил и умения роль православного епископа, открыто совершая в соборном храме богослужение по православному обряду и иные действия явно незаконного характера, чем, естественно, возбуждает чувства справедливого негодования и возмущения в душах православного населения г. Пензы...

При этом вся незакономерность действий гр-на Путяты в отношении неправильного захвата собора и владения им сама собою вытекает и становится ясной для всякого беспристрастного человека уже по одному тому, что собор, сооруженный на средства православного населения и бывший во все времена православным храмом, составляющий теперь, как и всякий храм, народное достояние, на основании 13-й ст. декрета об отделении Церкви от государства, должен быть передан в бесплатное пользование “соответственного религиозного общества”, т. е. в данном случае православного.

Между тем группа лиц, владеющих ныне собором, считаться православной не может, ибо признает не ту Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь, которая имеет Высшее церковное управление и возглавляется высшей церковной властью в лице Всероссийского Священного Собора и Святейшего Патриарха Тихона, а образует собою особую немногочисленную секту, во главе которой стоит гр-н Путята, основатель этой секты, называемой “Свободная Народная Церковь”...

...14 (27) сентября 1918 года (на Воздвижение, а не на Усекновение главы Иоанна Предтечи, 29 августа ст. ст., как написано в воспоминаниях Иванова. – А. Д.) во время богослужения в означенной церкви, совершаемого епископом Иоанном, явился со своими приверженцами гражданин Путята и сделал попытку насильственно захватить храм для совершения богослужения. Ввиду того, что Путята был уже лишен сана и отлучен от Церкви, православные прихожане не допустили его в храм, причем дело дошло до открытой драки и вызова милиции, которая арестовала и епископа Иоанна и гражданина Путяту, выступившего тоже в виде епископа.

В самое последнее время, именно 25 апреля 1920 года, в православной Успенской церкви на Мироносицком кладбище, находящейся в пользовании группы православного населения, предположено было совершение литургии архиерейским служением, о чем состоялось распоряжение со стороны архиепископа Иоанна, объявленное среди верующих, как вдруг совершенно неожиданно для всего

православного населения было расклеено на столбах печатное объявление народного епархиального совета (оно имеется при делах отдела управления) о том, что 25 апреля литургию в Успенской церкви, а после нее всенародный молебен с крестным ходом и вселенскую панихиду на братских могилах совершит архиепископ Владимир “согласно выраженному 20 апреля желанию народа”.

Это выступление гражданина Путятты произвело целый переполох среди православного населения г. Пензы, как это можно судить по состоявшимся постановлениям со стороны общин других православных церквей г. Пензы, решивших послать своих делегатов на 25 апреля в Успенскую церковь, чтобы путем увещания отклонить гражданина Путятту от попытки совершить богослужение в православном Успенском храме.

Остроту положения в значительной степени смягчил архиепископ Иоанн, который вслед за появившимися объявлениями народного епархиального совета немедленно отменил свое прежнее распоряжение о том, что он будет служить 25 апреля литургию в Успенской церкви. Тем не менее между сторонниками гражданина Путятты и православным населением могло произойти открытое столкновение, и если на этот раз оно не произошло, то только потому, что, явившись на место и найдя Успенскую церковь в виду окончания службы уже запертой, гражданин Путятта ограничился тем, что отслужил панихиду на самом кладбище, в чем ему никто не препятствовал...

Гражданин Путятта во всех своих выступлениях любит прикрываться именем народа: он и секту свою наименовал “Свободной Народной Церковью”, и захватить 25 апреля 1920 года Успенскую Мироносицкую церковь для богослужения намеревался “по желанию народа”, и сам он правит Пензенской епархией как епископ вместе с выборным народным епархиальным советом тоже “по желанию народа”...

По этому поводу не лишне будет указать, что, как видно из имеющегося в деле отдела управления № 124 за 1919 год материала, из всех 16 городских церквей в городе Пензе только 3 церкви – собор и два храма Старого и Нового Спасителя в 1919 году находились во власти гражданина Путятты и его последователей, остальные же 13 пензенских городских церквей и все решительно прочие храмы по губернии остаются в обладании действительного православного населения, не имеющего с гражданином Путяттой ничего общего.

По последним сведениям (дело № 27 за 1919 год), в течение апреля 1920

года от секты гражданина Путятты уже отпала и присоединилась к прочим православным церквям города Пензы православная община при храме Старого Спасителя (Воскресенской церкви), так что к 1 мая 1920 года в фактическом владении приверженцев гражданина Путятты из всех храмов епархии остались лишь собор и храм Нового Спасителя (Богоявленская церковь). Ввиду этого сослаться в тех или иных случаях на желание народа гражданин Путятта, по-видимому, не имеет достаточных оснований, так как вся главная масса православного населения находится не на его стороне, именовать же народом немногочисленную группу своих приверженцев в официальной переписке и печатных объявлениях, значит сознательно вводить в заблуждение общественное мнение и местную государственную власть...

На основании всех изложенных соображений я полагаю бы: признать, что местной советской власти в лице отдела управления надлежит обязать бывшего архиепископа Владимира, а в настоящее время гражданина Всеволода Путятту, оставить пределы Пензенской губернии в известный срок, если же добровольно он этого не исполнит, то удалить его из пределов Пензенской губернии мерами принудительного характера.

Мая __ дня 1920 года.

Юрисконсульт”.

Обстоятельное объективное заключение юрисконсультта губернской власти свидетельствует нам, что своим попустительством (а лучше сказать, зная предыдущие факты, – прямым пособничеством Путятте) она способствовала тому, что именно у нас пустила корни первая в советской России секта. Дальнейшие пути законного архиерея Иоанна (Поммера) и бывшего архиепископа Владимира (Путятты) разошлись навсегда в 1921 году. Первого направили в Латвию, где он стал архиепископом Рижским и всея Латвии. Там он трагически погиб 12 октября 1934 года. Его нашли убитым в его подожженной загородной даче, привязанным проволокой к столярному станку, с отрезанными конечностями и выколотыми глазами. По одной версии – его убили местные националисты за отказ провозглашать автокефалию Латвийской Православной Церкви, по другой версии – он пал от рук агентов НКВД.¹⁷⁴ Кто из них прав – знает лишь Господь.

Путятта в 1921 году стал хлопотать перед Синодом о своем восстановлении в прежнем сане. Не получив желаемого, он в следующем году покинул Пензу, к чему его вынудили сложившиеся обстоятельства. Первое – это смерть его новой лю-

бовницы во время родов, а следом – и его незаконнорожденного ребенка, что резко пошатнуло и без того незавидное положение Путяты. Второе – претензии на руководящую роль в его сектантской организации ближайшего сподвижника иеродиакона Иоанникия (Смирнова), которого лжеархиепископ Владимир “рукоположил” так называемого епископа Инсарского. Это уже был настоящий фарс, поскольку даже один законный архиерей не может рукополагать другого, а делается это коллегиально. Что уж тут говорить, когда один самозванец ставит в епископский сан другого.

Личность Иоанникия оказалась такой же нечистоплотной, как и его бывшего патрона. Родился он в 1884 году, окончил Казанскую духовную академию, принял монашество. В Пензу приехал в 1915 году вместе с Путятой, назначенным архиепископом Пензенским и Саранским. Был главным режиссером всех путятинских делишек. Свое монашеское воздержание в нарушение данных Богу обетов решил по примеру Путяты сменить на полноценную мирскую жизнь, женившись в Пензе на учительнице математики школы 2-й ступени. Теперь вот он еще стал и женатым “епископом”.¹⁷⁵

В 1922 году в лоне Русской Православной Церкви возникли новые смуты (которые в целом получили одно название – обновленчество), но на этот раз не в отдельной епархии, а в масштабе всей страны. Однако прежде чем перейти к обновленчеству, закончим с “главным героем” местной, путятинской смуты. Подавленный случившимся с ним на личном фронте, преданный главным единомышленником и помощником, Путята подался к обновленцам, которые признали в нем архиерея, назначив сначала в Саратов, а потом в Архангельск. Однако не ужилась Путята и с обновленцами. В 1926 году, снова не добившись восстановления в архиерейском сане у Русской Православной Церкви, Путята решил свою пензенскую авантюру повторить в г. Уральске, воспользовавшись болезнью и отсутствием тамошнего митрополита Тихона (Оболенского). Как и в Пензе, ему и там удалось внести смуту в церковную жизнь, но в гораздо меньшей степени. Изгнанный оттуда, Путята в 1928 году в очередной раз пытается восстановиться в Православной церкви, сильно обескровленной к тому времени и обновленчеством, и арестами иерархов, приносит публичное покаяние и допускается в звании монаха к общению. Казалось бы, к возвращению в сущий сан остался лишь один шаг. Но преодолеть его Путята так и не смог. В 30-е годы он смыкается с григорианством и направляется в г. Томск. Снова он надел на себя мантию, пусть и в раскольничес-

кой церкви, и ощутил себя на некоторое время архиереем. Но закончил свою жизнь последним нищим, прося подаяние на церковной паперти в г. Вятке (Кирове) (по другим сведениям в Омске). Кончина его прилась на 1937 год, год массового уничтожения священнослужителей.¹⁷⁶ Они-то своей смертью заслужили прощения. А вот Путята?..

* * *

Вместо Иоанна (Поммера) на Пензенскую кафедру был назначен рукоположенный во епископа бывший кафедральный протоиерей и член Государственной думы Владимир Иоаннович **Лентовский**, ставший теперь **Борисом**, епископом Пензенским и Саранским. Прямо скажем, выбор был не из лучших. К этому времени ему исполнилось уже 64 года, – возраст, когда трудно вести наступательную борьбу, тем более что еще в бытность кафедральным протоиереем он был морально раздавлен невзлюбившим его архиепископом Владимиром. Да и главную битву он ему уже проиграл – сдал без боя кафедральный собор. Правда, скоро Путята покинул место сражения, но появились новые противники: лжеепископ Инсарский Иоанникий (Смирнов) и обновленческий епископ Леонид (Скобеев).

Не вдаваясь в подробности обновленческого движения, стоит все же вкратце обрисовать ситуацию, сложившуюся в Русской Православной Церкви в результате ее раскола в 1920-х годах. Начало обновленчеству положил еще возникший в Петербурге в 1905 году “кружок 32-х священников”, опиравшийся на епископа Нарвского, викария С.-Петербургской епархии Антонина (Грановского) и существовавший до 1908 года, когда его деятельность была прекращена, а сам епископ Антонин отправлен на покой. Вновь движение возникло в марте 1917 года при Временном правительстве и направлено было на всестороннее обновление Церкви, суть которого заключалась в отступлениях от сложившихся обычаев церковной жизни и нововведениях в церковное управление, чуждых устоявшейся традиции. Одним из главных идеологов обновленческого движения был петербургский священник Александр Иванович Введенский (+1946). Особенно активизировалось обновленческое движение после прекращения (в результате гражданской войны) деятельности Высшего Церковного Совета и Священного Синода, избранных в 1917 году Поместным Собором Русской Православной Церкви. В мае 1922 года группа обновленцев, воспользовавшись содержанием Патриарха Тихо-

на под арестом, обманным путем захватила церковную власть, образовав Высшее Церковное Управление (ВЦУ). Тогда же обновленчество организационно оформилось созданием “Живой Церкви”, объединившей разрозненные до того модернистские группировки. ВЦУ санкционировало захват православных храмов на местах и изгнание оставшихся верными Патриарху Тихону архиереев, не гнушаясь при этом и обвинениями их в контрреволюционности. Однако в том же году среди обновленцев произошел раскол. Один из их лидеров епископ Антонин образовал свою группировку – “Церковное возрождение”, из которой затем выделился “Союз общин древлеапостольской Церкви” во главе с А. И. Введенским и “Союз религиозных трудовых коммунистов”. В Саратове, к примеру, возникла “Пуританская партия революционного духовенства и мирян”, в Пензе, как мы знаем, существовала “Свободная Народная Церковь”. Все они, однако, были объединены одной общей целью – борьбой с православной тихоновской Церковью, то есть с Русской Православной Церковью как таковой. Апофеозом этой борьбы стал открывшийся 2 мая 1923 года Собор обновленческих епископов, узаконивший противоканонические реформы ВЦУ: закрытие монастырей, белый (немонашеский) епископат, допустимость второбрачия для духовенства и вынесший резолюцию о низложении Патриарха Тихона. Но после освобождения Патриарха из-под ареста в июне 1923 года и открывшейся возможности отправлять им свои обязанности началось массовое возвращение священников под единоначалие законного главы Православной Церкви. После смерти в 1925 году Патриарха Тихона в деле канонического преемства в управлении Русской Православной Церковью сложилась весьма запутанная ситуация, что снова породило расколы – Григорианский, Ярославский, Иосифлянский и др. Полностью обновленчество было изжито лишь со смертью А. И. Введенского.

Обновленческий ВЦУ в 1922 году направил во все епархии своих эмиссаров. В Пензе обновленчество стал представлять “епископ Содом-ский и Гоморрский”, как его назвал Патриарх Тихон, епископ Леонид (Скобеев), вытесненный из ВЦУ на периферию. В Пензе его еще помнили как архимандрита местного монастыря, и не с самой лучшей стороны. Уже в советское время, 12 июля 1920 года, он был хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии, в 1921 году определен епископом Верненским (Алмаатинским), но в г. Верный не поехал, в связи с чем в наказание был отправлен на покой и проживал в Москве, в 1922 году одним из первых епископов примкнул к обновленцам, получив от них титул

“архиепископа Крутицкого”.¹⁷⁷

По отношению к обновленческому движению советская власть оказывала политику благоприятствования, рассчитывая расшатать Русскую Православную Церковь не только собственными силами – путем репрессий, но и изнутри. Усилиями губернских властей, в том числе и в Пензе, для обновленческих епископов расчищалась почва для их деятельности – под разными предлогами заключались в тюрьму законные архиереи. Был арестован и епископ Борис (Лентовский), на место которого в качестве временно управляющего Пензенской епархией в мае 1922 года приехал назначенный канонической церковной властью новый епископ Краснослободский **Леонтий (Устинов)** (взамен отошедшего от дел бывшего пензенского vicария Григория). Он был ровесник Иоанникия, родился в том же 1884 году в г. Суздале Владимирской губернии. Окончил духовную академию, преподавал в семинарии и был наместником монастыря. В книге Цыпина “История Русской Церкви. 1917–1997” (М., 1997, с. 747), вошедшей в недавно вышедшее 9-томное одноименное издание, говорится, что он 24 апреля 1922 года был хиротонисан во епископа Печерского, vicария Нижегородской епархии. Но в деле, хранящемся в УФСБ РФ по Пензенской области, сказано, что он получил назначение в Пензу от Патриарха Тихона vicарным епископом 19 апреля 1922 года и прибыл в Пензу 17 мая. С вокзала он сразу проехал в Покровскую церковь, где совершил молебен, а через несколько дней был арестован якобы для проверки документов, но вскоре отпущен. Иоанникий решил предложить епископу Леонтию “работать в контакте с временным епархиальным управлением”, последний же в ответ выдвинул ряд условий, которые Иоанникием не были выполнены, после чего епископ Леонтий стал пытаться единолично управлять епархией, насколько этому позволяли противодействия обновленцев. Иоанникий, решив склонить голову перед обновленческим ВЦУ, обратился в нему с просьбой утвердить его временный епархиальный совет во главе с собой, на что ВЦУ постановило: “предложить группе пензенского духовенства, рукоположение коих не вызывает сомнения в хиротонии, избрать себе епископа и представить его на утверждение ВЦУ”. Тем самым ВЦУ не признало законным “епископа Инсарского” Иоанникия. А поскольку от него, естественно, другой кандидатуры не поступило, в Пензу и был направлен обновленческий епископ (или уже архиепископ) Леонид (Скобеев). Вся иоанникиевская группировка принесла присягу новому “царю”. “Свободная Народная Церковь” прекратила свое существование и растворилась в “Живой Церкви”. 24 июня живоцерковцы заяви-

лись в Покровскую церковь и пригрозили епископу Леонтию (Устинову) опечатать церковь, а его самого арестовать. В июле 1922 года он был действительно арестован. На этот раз за хранение послания Патриаршего Местоблюстителя митрополита Агафангела (Преображенского), в котором тот 18 июня 1922 года объявил всем архипастырям, пастырям и чадам Русской Православной Церкви о своем вступлении в управление Церковью, которое ему передал отстраненный от власти в результате ареста Патриарх Тихон. После этого митрополит Агафангел был тоже арестован. Как советская власть узнала, что у епископа Леонтия имеется послание? И даже, как оказалось, целых два: первое он получил в анонимном письме из Москвы, второе – от А. В. Лентовской (по-видимому, дочери епископа Бориса). И не придумал ничего лучше, как спрятать в диван, где его и нашли во время обыска 15 июля 1922 года. Наверняка одно из этих писем было ему прислано с провокационной целью. 29 сентября 1922 года в отношении его состоялось определение: “Принимая во внимание, что дальнейшее пребывание гр-на Л. И. Устинова в заключении при комендатуре ГО ГПУ не является необходимым ввиду отсылки его дела в распоряжение секретного отдела ГПУ... гр-на Устинова перевести в губисправдом, перечислив его за секретным отделом ГПУ”. 25 ноября 1922 года комиссия НКВД по административным высылкам постановила выслать Леонтия Ивановича Устинова в Нарымский край сроком на 3 года. Находясь в Самарском исправдоме, Л. И. Устинов 30 декабря послал ходатайство о помиловании на имя предсе-

дателя ВЦИКМ. И. Калинина. В ожидании ответа у него вследствие плохого питания обострился туберкулез легких. В апреле 1923 года он вновь просит об амнистии или же об изменении ему места высылки на Самарскую губернию, где он из-за своей болезни пребывал еще и в декабре 1923 года, находясь в самарской больнице на излечении. 28 марта 1924 года комиссия НКВД постановила: во изменение прежнего постановления разрешить Устинову свободное проживание на территории СССР, за исключением Пензенской губернии. Вскоре после освобождения с ним случилась неприятная история, в результате

которой скончалась какая-то проживающая в его доме родственница (у Цыпина говорится, что 24 июля 1924 года он вступил в гражданский брак), эксгумация тела которой по настоянию ее брата показала, что она скончалась от отравления. Суд признал виновным в этом архиерея и приговорил к тюремному заключению, правда, недолгому, что исключает вину в ее смерти Устинова. Однако он был лишен сана, монашества и исключен из клира. Как окончил свою жизнь этот аскет и молитвенник, неизвестно.¹⁷⁸

Другие действующие лица этих событий тоже недолго оставались в Пензе. Иоанникий Сергеевич Смирнов 24 июля 1922 года был арестован за “злоупотребление именем советской власти и дискредитирование таковой” и 11 августа того же года выслан в Москву в распоряжение ОГПУ. Там он оказался на свободе и даже основал “Свободную Трудовую Церковь”, очень малочисленную, но тем не менее получившую от правительства храм для своих богослужений, который по большей части пребывал пустым.¹⁷⁹ Обновленческий архиерей Леонид (Скобеев) за свою бездарность в том же году был переведен в Орел, а в 1923 году и совсем отправлен на покой.¹⁸⁰ Вместо него в Пензе остался епископ Борис (Лентовский) – сломленный, больной старик, перешедший на сторону обновленцев и ставший послушным орудием их епархиального совета: в его архиерейскую обязанность входило лишь поставление во иереи подысканных советом кандидатур.¹⁸¹

Представителей тихоновской Церкви пензенские власти больше, видимо, не хотели видеть у себя в городе.

В 1923 году от тихоновской Церкви Пензенской епархией временно управлял епископ Сердобский, викарий Саратовской епархии **Петр (Соколов)**, тайно рукоположенный в этот сан в марте 1923 года. Однако это продолжалось совсем недолго и, по-видимому, чисто номинально. В том же году он стал епископом Вольским, викарием Саратовской епархии и через несколько недель после этого был арестован и сослан на Соловки.¹⁸²

Архиепископ Петр (Соколов)

Двадцатые годы – самый непонятный период в управлении Пензенской епархией. Отсутствие с 1923 до 1927 года в Пензе правящего епископа с одновременным наличием викариев наводит на мысль об определенной политике местной власти по отношению к Церкви тихоновской (сергиевской) ориентации. Неопубликованные пока воспоминания протоиерея М. А. Лебедева свидетельствуют, что “в первые годы советской власти религиозный человек не испытывал никаких стес-

нений в своих убеждениях: он мог полностью удовлетворять свои религиозные потребности через посещение богослужения во многих тогда еще не закрытых храмах... Начиная с 1927–1928 гг. отношение партии и правительства к религии постепенно меняется”. Пока что политика разложения и уничтожения Церкви, взятая на вооружение советской властью, была сокрыта от населения. Причины частой смены архиереев, главным образом в результате их арестов, оставались для простых людей неизвестными, да они впрямую и не касались верующих, большинству из которых были безразличны и внутренние разногласия в Церкви: они ходили в те храмы, в которые привыкли ходить, несмотря на то, кто там вел службу – обновленческий ли епископ или архиерей тихоновской Церкви. Лишь единицы наиболее воцерковленных людей были в курсе всех событий и занимали принципиальную позицию в данном вопросе. Вряд ли, учитывая ситуацию в Пензе, удалось довести до сведения прихожан специальное постановление Синода РПЦ об обновленческом расколе, вынесенное в конце 1922 года, где говорилось, что если правящий архиерей примкнет к обновленчеству, то vikарий должен порвать с ним всякое общение и самостоятельно окормлять паству, вступив в управление епархией; если же в епархии не останется православного архиерея, то приходу разрешается окормляться у архиерея РПЦ другой епархии. (Возможно, с этой целью и был специально учрежден епископ Сердобский, временно управляющий Пензенской епархией). Но, как говорится, незнание закона не освобождает от ответственности. И в бедах нашей Церкви в равной степени оказались виновны и архипастыри, нарушившие канонический строй церковного управления, и священники, преступившие клятву следовать правилам церковным и указаниям епархиального начальства, и прихожане, посчитавшие, что удовлетворение их религиозных чувств совершенно не зависит от того, кто ведет богослужение и совершает таинства.

В 1923 году единственной церковью в Пензе, не поддавшейся натиску обновленцев, оставалась Покровская церковь, настоятель которой протоиерей Николай Николаевский не побоялся противопоставить себя всему городу. Это противостояние было тем более заметно, что все обновленческие храмы перешли на новый стиль. Но это продолжалось недолго. Понимая, что народу трудно дается ломка привычных стереотипов, обновленцы вскоре вернулись к старому стилю, и церкви их стали заполняться прихожанами, посчитавшими, что обременять себя дальним хождением в Покровскую церковь больше не стоит. Уступка их привычкам со стороны обновленцев была сделана, на что и они, в свою очередь, ответили

компромиссом, решив окормляться у самозванцев: в тонкости каноничности церковной иерархии никому вникать уже не хотелось, власть обновленцев воспринималась как данность, совесть успокаивалась отговорками, что в храм ходят не к священникам, а к Богу, тем более, что и истинно-православных иереев в городе практически не осталось. Священнослужители во всей этой неразберихе были озабочены лишь тем, как прокормить свою семью. Привыкшие полностью зависеть своему архипастырю, они не успевали уже переосмыслить те изменения, которые происходили вокруг них поистине с головокружительной быстротой: в течение года их архиерей Борис (Лентовский) побывал уже в нескольких испостасях – кафедрального протоиерея, православного епископа, заключенного, снова правящего архиерея и, наконец, архиерея обновленческого. Где уж тут уследить за всеми этими переменами.

Конечно, такую приспособляемость духовенства можно было бы сравнить с беспринципностью. Но не в том ли корень всех бед, что и Церковь не всегда и не во всем оставалась верной провозглашаемым принципам? И не она ли в лице высшей церковной власти – синодального епископата, преисполненного антимонархических настроений и мечтавшего вырваться из тесных объятий правительства, приветствовала отречение императора, – с тем, чтобы попасть затем в тиски советских законов, жернова гражданской войны и “ежовые рукавицы”.

Отголоски истинного отношения пензенской власти к Православной церкви в 20-х годах доходят до нас из постановлений бюро Пензенского губкома РКП(б). Дело будущего – найти сами документы, рассматриваемые на этих заседаниях. Но и данные протоколы проливают яркий свет для того, чтобы увидеть зреющие в недрах коммунистической партии планы по уничтожению Церкви.

Протокол № 24 от 10 августа 1922 года: “Слушали: 3). О состоянии губернии в связи с борьбой с духовенством.

Принципиально против опубликования письма не возражать, лишь изменить редакцию”¹⁸³.

Протокол № 36/с заседания бюро губкома РКП(б) от 22 марта 1923 года совместно с представителями советских и хозяйственных органов: “Слушали: 1) Об использовании собора. Сообщение тов. Нодева о том, что имеется предложение вернуть обратно собор со стороны верующих и даже неизвестным лицом прислано 10 тысяч рублей для взноса налогов.

Постановили: 1) Собор обратно не возвращать, поручить губком-муноделу срочно осмотреть и составить план подготовительной работы по ремонту собора.

Срочно приступить к снятию колоколов, крестов и прочее, привести здание и внутри и снаружи в иной вид. 2) Поручить агитпропу и политпросвету принять участие в работе. 3) Просить губисполком отпустить необходимые средства для оборудования здания собора. 4) Культурно-просветительным органам наметить – под какие культурные учреждения можно приспособить данное помещение. 5) Предложить всем советским и хозяйственным органам оказывать должное содействие губкомунотделу в проводимых им начинаниях по оборудованию здания собора. 6) Поручить тов. Костерину поместить несколько заметок и статей по данному вопросу”¹⁸⁴.

Справка: “В 1923 году кафедральный собор передается епархией “гражданской власти” для использования “под общие культурно-просветительные цели всего населения”. С 1924 года в помещении храма расположился губернский архив, в октябре 1931 года, несмотря на то, что кафедральный собор находился на “учете и под охраной государства”, его передают велозаводу “для разборки под стройматериалы”¹⁸⁵.

Протокол № 8/с от 3 мая 1923 года: “Выделить уполномоченного для работы по разложению Церкви тов. Полумордвинова, предложив ему разработать для мест циркуляр, разъясняющий важность данного вопроса и методы работы”¹⁸⁶.

Протокол № 24/с от 21 июня 1923 года: “Слушали: 1) Доклад начальника ГПУ о работе в области раскола Церкви.

Постановили: Доклад утвердить, поручить тов. Тарашкевичу составить информационное письмо по укомам о работе в области раскола Церкви”¹⁸⁷.

Протокол № 43/с от 28 августа 1923 года: “Слушали: 2) Циркулярное письмо ЦК РКП(б) № 30 об отношении к религиозным организациям.

Постановили: 1) Копию циркулярного письма разослать для руководства по укомам. 2) Поручить тов. Полумордвинову как уполномоченному по этой работе совместно с секретарем губкома тов. Орловым согласовать все мероприятия, касающиеся религиозных обществ, предложив начальнику ГПУ, губпрокурору и отделу управления не проводить в данной области никаких мероприятий без ведома уполномоченного. 3) В течение ближайших двух недель созвать при агитотделе совещание с представителями ГПУ, отдела управления, губпрокуратуры, губфинотдела и губкомунотдела по вопросу разъяснения членам партии на ячейковых собраниях нашей политики в области антирелигиозной пропаганды и разложения Церкви”¹⁸⁸.

Протокол № 89 от 18 февраля 1924 года: “Слушали: 1) Доклад Крепляка о

положении в Краснослободском уезде по вопросу об изъятии церковных ценностей в уезде; сообщение члена уик тов. Зайцева.

Постановили: 1) Заслушав сообщение о положении в Краснослободском уезде в связи с постановлением уик и укома об изъятии церковных ценностей арестом попов, как за укрывательство церковных ценностей, и закрытием четырех монастырей и одной церкви в г. Краснослободске, бюро губкома считает необходимым воздержаться от утверждения протокола уик, послав на место в г. Краснослободск своего представителя для детального ознакомления с этим делом и принятия соответствующих мер, гарантирующих авторитет партии и органов соввласти в уезде и сохранения доверия со стороны населения к последним. Для проведения этих мероприятий командировать губпрокурора тов. Крепляка”¹⁸⁹.

Протокол № 17 от 16 марта 1926 года: “Слушали: Протокол № 1 заседания губернского антирелигиозного бюро от 11 марта.

Постановили: 1) По 4-му пункту постановления по докладу об антирелигиозной работе по г. Пензе – специального уголка безбожников в газете “Трудовая правда” не отводить, приняв меры к периодическому освещению в печати антирелигиозных вопросов. 2) С созывом на 25 марта губконференции Союза безбожников согласиться. 3) Предложить тов. Маханову вопрос о сроке созыва губернского съезда Союза безбожников, а также и средствах на проведение такового согласовать с орготделом. В остальном протокол утвердить”¹⁹⁰.

Протокол № 34 от 30 июня 1926 года: “Слушали: 7) О составе президиума губсовета Союза безбожников.

Постановили: Согласиться с выделенными губсоветом в состав президиума кандидатурами тт. Маханова – председатель, Степанов – отв. секретарь, Рогов”¹⁹¹.

Протокол № 2/с от 26 февраля 1927 года: “Присутствуют: члены бю-ро губкома тт. Аболин, Акулинушкин, Полумордвинов, Польшаев, Тарашкевич, Петров, Хлопин, Росницкий, Полбицин; члены губкома: т. Маршан; кандидаты в члены ГК: тт. Кочуков, Маханов; члены ГКК: тт. Степанов, Лапин.

Повестка дня: 2) О Саровском монастыре.

Слушали: 3) О Саровском монастыре (Тарашкевич, Кочуков).

Постановили: 1) Поручить комиссии в составе: тт. Тарашкевича, Росницкого и Маршана представить в губком к 28 февраля резолюцию по данному вопросу”¹⁹².

Выписка из протокола № 14 от 4 марта 1927 года: “Слушали: 12) О Саровском монастыре.

Постановили: 1) Признать необходимым срочно ликвидировать монастырь.

2) Поручить секретариату губкома согласовать вопрос с центром”¹⁹³.

“№ 415/с, 15 марта 1927 года. Строго секретно. В ЦК ВКП(б).

Антирелигиозная комиссия, тов. Ярославскому или Попову.

Копия: зав. агитотделом ЦК т. Кнорину.

Бюро Пензенского губкома тщательно обсудило вопрос о Саровском монастыре и признало необходимым срочную его ликвидацию. Подробные материалы по этому вопросу направлены в Москву по линии ГПУ.

В основном эти материалы выявляют следующую картину:

1) До настоящего времени в монастыре целиком сохранился его дореволюционный уклад с бесконтрольной и хищнической эксплуатацией имущества в целях личной наживы монастырской верхушки при наличии, вместе с тем, пустующих и разрушающихся огромных жилых помещений.

2) Монастырем продолжается заметно усиливающаяся за последние годы злостная эксплуатация религиозных предрассудков масс (использование имеющихся в монастыре мощей, массовая торговля “святой” водой, песком, кусками “святого” дерева, инсценировка чудес, кликушество и т. д.), что помогает монастырю в особые дни “серафимовских торжеств” собирать значительные массы верующих (до 12 тыс. из 20–25 губерний).

3) Распространение дореволюционной черносотенной литературы, скопление в дни монастырских праздников духовенства и видных деятелей Царской России, которые могут свое пребывание в Сарове использовать в контрреволюционных целях, организуя всевозможного рода религиозных шествий (так в тексте. – А. Д.) с контрреволюционным их содержанием, фактическое несение монастырем роли духовной школы и т. д. свидетельствует об усиливающейся за последний год контрреволюционной роли монастыря.

Ликвидацию монастыря было бы целесообразно произвести теперь же, до наступления весеннего раздополя. Но дело задерживается решением вопроса о судьбе мощей Серафима.

Оставить мощи в Саровской пустыне, конечно, невозможно. В Пензе имеются на них два претендента – церковное управление и Союз безбожников.

Мы считаем совершенно невозможным передачу их Союзу безбожников для помещения их в музей антирелигиозника: в губернском городе крестьянской губернии на этой почве возможны эксцессы. Навряд ли целесообразна их передача и живоцерковникам, которые не прочь по-эксплуатировать еще значительную для известных кругов притягательную силу мощей в свою пользу. В 1925 году в связи

с ожиданием открытия мощей еп. Иннокентия Пенза видела некоторые “картинки” с участием кликуш.

Поэтому мы считали бы наиболее целесообразным передачу мощей в Москву для музея. Для согласования этого вопроса с Вами губкомом командировается в Москву член бюро губкома нач. губотдела ГПУ т. Тарашкевич.

Секретарь губкома ВКП(б) Аболин.

Пенза. 15 марта 1927 г.”¹⁹⁴

“Совершенно секретно. От 28 марта 1927 года. В бюро губкома ВКП(б). Гор. Пенза.

Пензенский губотдел ОГПУ при этом препровождает две выписки из протокола заседания комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) от 10 сентября 1926 года и от 24 марта 1927 года на распоряжение. Приложение: упомянутое.

Нач. Пенз. губотдела ОГПУ Тарашкевич”.

“Сов. секретно.

Выписка из протокола № 84 заседания комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) от 24 марта 1927 года: “Слушали: О ликвидации Саровского монастыря – т. Тарашкевич, член бюро Пензенского губкома ВКП(б).

Постановили:

а) Подтвердить постановление комиссии от 10 сентября 1926 года.

б) Мощи Серафима Саровского и др. “реликвии” перевезти в Москву для помещения в музей.

в) Для окончательной ликвидации монастыря считать целесообразным передачу всех зданий последнего советским организациям для использования их в качестве домов отдыха, общежитий и т. п. В этих же целях Пензенскому губкому поставить перед соответствующими организациями вопрос о передаче земель, ранее принадлежавших монастырю в постоянное пользование местных крестьян.

г) При проведении ликвидации Пензенскому губкому принять меры к предотвращению могущих быть эксцессов.

д) Ввиду наступления весеннего периода, в связи с чем начнется приток паломников, считать необходимым проведение ликвидации монастыря в ближайшее время.

Зам. председателя К. Попов.

Члены: Красиков, Тучков.

Пензенский Спасский кафедральный собор. Фото 1920-х гг.

Соборный колокол

24 марта 1927 г.”¹⁹⁵

Сов. секретно. Протокол № 3/с заседания секретариата Пензенского губкома ВКП(б) от 28 марта 1927 года: “Присутствуют: члены секретариата губкома: тт. Аболин, Акулинушкин, Полумордвинов; члены бюро губкома: Полбицин, Польшаев. Слушали: О Саровском монастыре (т. Тарашкевич).

Постановили: 1) Принять предложение комиссии по проведению декрета об отделении Церкви от государства при ЦК ВКП(б) от 24 марта 1927 г. 2) Ликвидацию монастыря поручить тов. Тарашкевичу, предложив ему в недельный срок лично выехать в Саров. 3) Тов. Полбицину разрешить вопрос о передаче земель, ранее принадлежавших монастырю, в постоянное пользование местных крестьян. 4) Вопрос об использовании помещений под дома отдыха разрешить при участии тов. Семашко.

Секретарь губкома ВКП(б) Аболин”¹⁹⁶.

Выписка из протокола № 6/с заседания президиума Пензенского губисполкома от 30 марта 1927 года: “§ 1. Слушали: О ликвидации Саровского монастыря и изъятии мощей “Серафима”. Постановили: В дополнение постановления президиума губисполкома от 5 января:

1) Предложить Краснослободскому уисполкому немедленно расторгнуть договор с Саровской религиозной общиной как потерявшей юридическое значение (заключен в 1922 году) и опечатать церкви Сарова в целях сохранения культового имущества.

2) Поручить члену губисполкома тов. Тарашкевичу выехать в Саров для проведения операции по изъятию мощей “Серафима” и отправления их в г. Москву.

3) Для учета культового имущества и определения порядка его использования и реализации командировать вместе с тов. Тарашкевичем члена губисполкома тов. Торкина.

4) Предложить тов. Вершинину доложить президиуму о возможности использования построек Саровского монастыря в местных условиях.

5) Отпустить тов. Тарашкевичу на проведение операции 500 рублей из ст. 20 сметы губисполкома”¹⁹⁷.

Секретно. Протокол № 20 заседания секретариата Пензенского губкома ВКП(б) от 6 марта 1928 года: “Слушали: 1. О результатах обследования библиотеки бывшего Саровского монастыря (тт. Степанов, Голубев).

Постановили: 1. Запросить Краснослободский уком, почему до сих пор не усилены меры по охране библиотеки и другого драгоценного имущества бывшего

Епископ Августин
(б. протоиерей А. А. Беляев)
расстрелян в 1937 г. в Калуге

Саровского монастыря. 2. Поручить г. Архангельскому совместно с г. Степановым внести предложения об использовании наличных древних книгохранилищ губернии”¹⁹⁸.

Среди штабистов, разрабатывающих планы борьбы с религией, мелькает фамилия Степанова. По-видимому, это тот самый магистрант Петербургской духовной академии А. Степанов, который после революции зарекомендовал себя рьяным безбожником. И здесь не обошлось без Иуды. Сколько их – больших и малых иуд, демонстративно перечеркивающих свое духовное прошлое перед пристальным взглядом рабоче-крестьянской власти, стало атеистами, не меньшими, чем сами идеологи построения светлого будущего грязными руками?! Протоиерей М. А. Лебедев называет еще два имени – выпускников Казанской духовной академии П. Я. Коронатова – в Пензе и Н. Н. Костина – в Краснослободске.

По другую сторону баррикады стояли протоиереи Н. Николаевский и А. А. Беляев (с 1923 года епископ Иваново-Вознесенский Августин), священник Н. М. Пульхритудов. Имена других стойких священнослужителей мы уже знаем в числе арестованных в 1919 году. Да и только что упомянутые были вскоре или арестованы или покинули Пензу. Активность священника Николая Михайловича Пульхритудова особенно не давала пензенским властям покоя. Его арестовывали в 1919 году как члена Пензенского братства православных христиан, затем 7 августа 1923 года и приговорили к 3 годам высылки в Сибирь, в 1927 году он вернулся в Пензу и стал служить в Митрофановской церкви, но под самое Рождество 1929 года его вновь арестовали по обвинению в антисоветской агитации и осудили на 3 года лишения свободы в концлагере “за критику политики правительства по отношению к религии”. По-видимому, он и в заключении “не унимался”, так как 12 октября 1931 года ему определили после отбытия срока наказания отправиться в ссылку на Соловки.

Как правило, по одному делу проходило несколько человек. Вместе со священником Пульхритудовым в 1923 году был арестован и священник Боголюбской церкви г. Пензы Александр Васильевич Прозоров, которого приговорили к высылке в Сибирь на 3 года, а 25 декабря 1928 года “за антисоветскую агитацию, насаждение религиозного фанатизма” – член церковного совета, бывший делопроизводитель губздравотдела, уволенная с работы за свои религиозные убеждения, Ольга Константиновна Иванова, “отделавшаяся” пятью месяцами.¹⁹⁹

Такой аргумент в диалоге с духовенством использовала советская власть там, где священнослужители оказывались несговорчивыми, – в пример и назидание

другим. Можно ли строго судить тех, для кого благополучие и спокойствие семьи оказалось дороже истины? Один Господь знает.

29 ноября 1923 года временно управляющим Пензенской епархией под названием епископа Нижнеломовского стал бывший епископ Валуйский, викарий Воронежской епархии **Филипп (Перов)**. Однако имеющаяся в нашем распоряжении справка на репрессированного священника Е. Ф. Куликова, определенного на священническое место в с. Сергиево-Полеологово, свидетельствует, что в это время Преосвященный Филипп был епископом Пензенским и Наровчатским. Такие необычные наименования викарного епископа Пензенской епархии наводят на мысль, что его титул определялся местонахождением архиерея: вначале епископ обосновался в г. Нижнем Ломове (возможно, в монастыре), а когда его “попросили” оттуда, то перебрался в Наровчат (опять же, вероятно, в монастырь). Хотя это только предположение, в литературных же источниках (Цыпин, с. 709) указано, что Нижнеломовское викариатство существовало с 1923 по 1927 год, то есть до того, как епископ Филипп стал правящим епископом Пензенским. Осенью того же года он ушел на покой, но с 23 января 1929 года он уже правящий епископ Саранский. 23 марта 1934 года Преосвященный Филипп был возведен в сан архиепископа, в феврале 1937 года определен архиепископом Сталинградским и Астраханским, дальнейшие его следы теряются.²⁰⁰

Одновременно с Нижнеломовским было еще два пензенских викариатств: Краснослободское и Саранское. Епископом Краснослободским в 1927 году упоминается **Макарий (Знаменский)**, бывший епископ Васильсурский, викарий Нижегородской епархии, хиротонисанный 25 июля 1920 года, а в 1922 году приговоренный к заключению. 7 сентября 1927 года епископом Краснослободским стал **Кирилл (Соколов Виктор Иванович)**, до того с 1926 года являвшийся епископом Саранским. 24 августа 1928 года он уже епископ Пензенский. В январе 1931 года арестован по обвинению в принадлежности к руководящему центру Пензенского филиала Всесоюзной церковно-монархической организации “Истинно-православная церковь”, был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь, а 31 августа 1937 года расстрелян. После ареста епископа Кирилла на протяжении почти трех лет в Пензе не было правящего архиерея.²⁰¹ Духовное окормление епархии в это время осуществлял, по-видимому, архиепископ Саранский Филипп (Перов).

Епископ Кирилл (Соколов) >

Саранское викариатство существовало с 1924 по 1937 год. С августа 1924

года его в течение года возглавлял епископ **Серафим (Владимир Иванович Юшков)**, с 25 июля 1925 года по 8 октября 1929 года бывший епископом Лукояновским, викарием Нижегородской губернии, а затем, по 1935 год, – епископом Кузнецким, викарием Саратовской епархии. 3 июля 1935 года он был арестован в г. Кузнецке и приговорен к десяти годам лишения свободы. Вместе с ним арестовали и целую группу священнослужителей: священника Никольской церкви г. Кузнецка И. А. Никольского, сторожа той же церкви И. П. Никитина, протоиерея Вознесенской церкви г. Кузнецка А. И. Павловского, священника с. Траханиотова Кузнецкого района А. А. Никольского и председателя церковного совета того же села М. С. Мещерякову, – всех их осудили на десять лет; священника Никольской церкви г. Кузнецка И. М. Логинова, архимандрита М. Е. Зайцева – сторожа Параскевинской церкви г. Кузнецка, священника с. Новые Часы Кузнецкого района Г. М. Буславского, священника с. Годяйкино Литвиновского района В. С. Сергиевского и председателя церковного совета этого села П. Д. Васюхина, которых приговорили к шести годам; членов церковного совета с. Траханиотова А. В. Карпушова и А. Т. Антонову и с. Годяйкино Н. Я. Барсукова, получивших по три года лишения свободы, и старосту Вознесенской церкви г. Кузнецка А. Л. Алексеева, приговоренного к двум годам.²⁰²

Непонятна пока роль архиепископа **Аристарха (Николаевского)** в истории Пензенской епархии. Известно, что с декабря 1924 года он чуть меньше года был пензенским архиереем, но только какой Церкви – тихоновской или же обновленческой, – на этот счет литературные источники дают противоречивые сведения: в Актах (с. 963) указано, что будучи хиротонисан в 1920 году во епископа Оренбургского, он с 1923 года и до конца 1937 года возглавлял различные обновленческие кафедры. У Цыпина (с. 724) он значится архиереем Церкви тихоновской ориентации.

Репрессии против духовенства 20-х годов, усиление антирелигиозной пропаганды, смерть Патриарха Тихона в 1925 году и образование в том же году Союза воинствующих безбожников обескровливали, но одновременно и закаляло Цер-

ковь, – оставаться в ней и с ней было чревато самыми тяжелыми последствиями, на это могли решиться лишь истинные христиане, те, кто готов был разделить дальнейшую участь своей Матери-Церкви, для которой начинался самый трагический и самый героический период ее истории. Истории, которая оказалась неразрывно связанной и с трагическими событиями конца 20-х – начала 30-х годов для всего русского народа. 1929 год – время выхода директивного письма секретаря ЦК ВКП(б) Л. М. Кагановича “О мерах по усилению антирелигиозной работы” и дискриминационного для Церкви постановления президиума ВЦИК “О религиозных объединениях”, начало повсеместного закрытия храмов и новой волны арестов священнослужителей. А с другой стороны, – это время принудительной коллективизации и массового раскулачивания крестьянства, самой трудовой и верующей его части. Именно этим обстоятельством затрудняется точный подсчет числа пострадавших в эти годы за веру Христову и репрессированных за свое умение трудиться: те из крестьян, кто были раскулачены, вполне могли пойти этапом и за свои религиозные убеждения, но закрытие церквей предопределило им пострадать за свое единоличное хозяйство, желание и впредь работать на самого себя, а не делиться результатами труда с расплодившимися по всей стране бездельниками и лоботрясами. И наоборот, в следственных делах людей церковных в качестве обвинительного материала выступают их “нападки на колхозный строй”, а некоторые из монашествующих, оставившие монастыри за их закрытием и живущие в приживалках, подвергались раскулачиванию, хотя у них не было не только своего хозяйства, но порой даже и личного имущества. И не случайно, видимо, конечная статья и для тех и для других была одна – “анти-советская агитация”, заключающаяся лишь в существовании у людей собственного мнения на происходящие вокруг них события.

